

Формы авторского присутствия в Новгородской первой летописи

Шаповалов Алексей Владимирович
Аспирант
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
19991, Ленинские горы 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация
E-mail: omeganom@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3230-3682

Цитирование

Шаповалов А. В. Формы авторского присутствия в Новгородской первой летописи // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 148–161.
DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.2.02

Статья поступила в редакцию 30.06.2021.

Аннотация

Статья посвящена изучению авторских экспликаций в Новгородской первой летописи — высказываний книжников от первого лица, риторических вопросов и восклицаний, некоторых хронологических формул. Сначала последовательно рассматриваются формы авторского присутствия во фрагментах, предположительно написанных одним летописцем, а затем обращается внимание на сходные высказывания книжников во фрагментах, написанных разными летописцами. Отмечаются сочетания высказываний от первого и от третьего лица, случаи использования цитат из авторитетных текстов, а в хронологических формулах — внимание летописцев к погодным явлениям, указания на момент времени или временной промежуток. Сопоставляются особенности высказываний новгородских и киевских книжников, обращается внимание на уменьшение количества авторских экспликаций в тексте Новгородской первой летописи с конца XIII в. Приводятся разночтения форм авторского присутствия в текстах старшего и младшего изводов Новгородской первой летописи, выявляются некоторые случаи лексических и грамматических замен переписчиками. Обсуждаются возможность актуализации достоверности и субъективности летописного повествования посредством авторских экспликаций, а также случаи использования разными книжниками сходных выражений как возможные проявления самосознания летописцев.

Ключевые слова

Новгородская первая летопись, повествование от первого лица, повествование от третьего лица, риторический вопрос, риторическое восклицание, хронологическая формула.

Вопрос об авторах Новгородской первой летописи (НПЛ) давно привлекает внимание исследователей¹. Важной особенностью этого памятника является структурная неоднородность текста. На основе формальных признаков (которые сгруппированы в семь разделов: кодикология и палеография; графика, орфография, фонетика; морфология; синтаксис; лексика и словообразование; структура текста; стиль)², А. А. Гиппиус выделил в тексте НПЛ несколько групп рубежных «швов»³ с целью реконструкции «авторских» фрагментов. Сопоставление указанных «швов» с хронологическим списком новгородских епископов и архиепископов показало, что смена архиерея почти всегда сопровождалась сменой летописца (т. е. был подтвержден владычный характер НПЛ)⁴. Это открывает новые возможности не только для изучения принципов работы летописцев как представителей своего времени, но и для определения индивидуальных черт их стиля. По сравнению с другими памятниками Древней Руси НПЛ предоставляет более широкие возможности для изучения авторства и методов редакторской работы, поскольку она сохранилась в двух изводах — старшем и младшем. То обстоятельство, что они восходят к общему протографу — «официальному экземпляру» новгородской летописи (т. е. являются его редакциями)⁵, позволяет определить, как был изменен текст протографа

1 Одна из первых работ на эту тему: *Прозоровский Д. И.* Кто был первым писателем первой Новгородской летописи? // Журнал министерства народного просвещения. 1852. Ч. LXXV. С. 1–28.

2 *Гиппиус А. А.* Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка: [сб. ст.]. М., 2006. С. 129–194.

3 Под «швом» понимается «граница, отделяющая отрезок текста, на котором рассматриваемый формальный признак представлен систематически, от смежного отрезка, на котором он отсутствует или же представлен единичными (изолированными) примерами». Подробнее см.: *Гиппиус А. А.* Новгородская владычная летопись... С. 124–127.

4 Там же. С. 210–211.

5 Там же. С. 122–124.

составителем каждого из изводов. Ранее были описаны особенности стиля двух новгородских книжников, имена которых упоминаются в тексте летописи, а также определены вероятные хронологические границы их работы (священника Германа по прозвищу Воята, 1164–1186, и пономаря одной из новгородских церквей Тимофея, 1226–1274)⁶. Однако особенности авторского присутствия других книжников в тексте НПЛ практически не рассматривались. Также мало изучен вопрос о самосознании новгородских летописцев, которые были не монахами, а жителями средневекового города.

В настоящей работе рассматриваются некоторые формы авторского присутствия (высказывания летописцев от первого лица, риторические вопросы и восклицания, хронологические формулы) с точки зрения актуализации достоверности и субъективности повествования летописцами. Обсуждается возможность отнесения форм авторского присутствия к типичным проявлениям сознания⁷ новгородских книжников. В качестве источника выбран текст НПЛ старшего извода по Синодальному списку (далее — НПЛ СИ). Для определения случаев редакторской правки привлекается фрагмент текста НПЛ младшего извода по Комиссионному списку (далее — НПЛ МИ), хронологически соответствующий НПЛ СИ (1016–1352). В некоторых случаях приводятся примеры из Повести временных лет (ПВЛ) по Ипатьевскому списку для сопоставления новгородской и киевской летописных традиций.

Некоторые формы авторского присутствия встречаются в определенных фрагментах НПЛ, поэтому их можно рассматривать как особенности стиля конкретных летописцев⁸. Стиль летописцев князя

---

⁶ *Гунтуус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. № 6 (16). С. 8–12; *Конявская Е. Л.* Проблема авторского самосознания в летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2 (2). С. 66–72.

⁷ В области изучения сознания человека выделяют два основных подхода — законы психической жизни могут рассматриваться как проявления внутренних свойств человека или как продукт социальных процессов. В рамках второго подхода полагают, что разные формы психической деятельности могут отличаться для разных исторических эпох и культур (подробнее см.: *Лурия А. Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974. С. 7–24).

⁸ Здесь и далее рассматриваются особенности стиля летописцев, «порубежно» идентифицированных в: *Гунтуус А. А.* Новгородская владычная летопись... С. 215. В настоящей работе не приводятся формы авторского присутствия в текстах Германа Вояты и пономаря Тимофея, которые были изучены ранее, см.: *Конявская Е. Л.* Проблема авторского самосознания... С. 66–72.

Всеволода (1117–1132) и архиепископов Гавриила и Мартирия (1187–1199) во многом сходен. Оба книжника высказываются от первого лица, что находит соответствие в киевской летописной традиции:

НПЛ СИ

«бысть знамение Новѣгородъ ... от грома мѣсяця мая въ 14, въ час 10: вечерню поючимъ» [НПЛ СИ: 20 (1117)]⁹, «громъ бысть страшень зѣло и мълνια; пришьдѣшмъ съ кресты ... и поючимъ 9 пѣснь» [НПЛ СИ: 38 (1187)].

ПВЛ

«въ к̄ (20. — А. Ш.) того же мѣца въ днѣ платокъ въ часъ а̄ (1. — А. Ш.) днѣ прииде второе Бонакъ ... «намъ сущимъ по кѣльбмъ почитающимъ ... намъ же бѣжащимъ задомъ монастыра» [ПВЛ: 222 (1096)].

Отметим, что если новгородские книжники высказывались от первого лица в связи с небесными явлениями, то киевский летописец — в связи с нападением половцев на Печерский монастырь. Примечательно, что интерес к небесным или погодным явлениям проявился и в упоминаниях обоими летописцами о времени («а на вечерь бысть знамение въ лунѣ» [НПЛ СИ: 20 (1117)], «паде метыль густъ ... по 2 ночи, а по 4 дни ... снѣгъ лежа до Яковля дни» [НПЛ СИ: 21 (1127)], «бысть знаменье въ солнци въ полѣдни ... и по мале времени напълнися и паки просвѣтися» [НПЛ СИ: 38 (1187)]), а в случае летописца князя Всеволода еще и в риторическом восклицании («о, великъ страхъ, и тьма бысть, и звѣзды быша и мѣсяць» [НПЛ СИ: 21 (1124)]).

Летописец архиепископа Нифонта (1132–1156) также высказывается от первого лица при сообщении о погодных явлениях, которые могли быть известны только очевидцу («бысть громъ велии, яко слышахомъ чисто, въ истьбѣ сѣдѣще» [НПЛ СИ: 25 (1138)], «потомъ наиде дѣжгъ, яко не видехомъ ясна дни ни до зимы» [НПЛ СИ: 27 (1145)]¹⁰). Подобные высказывания актуализируют достоверность летописного повествования.

⁹ Здесь и далее тексты источников цитируются по изданиям: НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950; ПВЛ — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. После двоеточия указан номер страницы (для НПЛ) или столбца (для ПВЛ), в круглых скобках указан год погодной записи.

¹⁰ Возможно, автобиографическая заметка «постави мя попомъ архиепископъ святыи Нифонтъ» [НПЛ СИ: 27 (1144)] была добавлена Германом Воятой в последующее время. Е. Л. Конявская считает, что ряд известий 1140–1170-х гг. можно отнести к творчеству Германа Вояты, см.: *Конявская Е. Л. Проблема авторского самосознания...* С. 66.

Это также подтверждается отсутствием риторических фигур в указанный период и более разнообразными указаниями на время, которые относятся не только к небесным явлениям («бысть знамение въ солнчи ... и паки до захода напълнися» [НПЛ СИ: 25 (1140)], «бысть знамение на небеси ... и стоя близъ не весь день» [НПЛ СИ: 26 (1141)]), но и к земным событиям («выгнаша князя Святослава, сына Ольгова, из Новагорода, мѣсяця априля 17, въ недѣлю 3 по пасцѣ, сѣдевьша 2 лѣта бес трии мѣсяць» [НПЛ СИ: 25 (1038)], «яша 5 день по побоищи» [НПЛ СИ: 27 (1146)]).

Текст летописца архиепископа Митрофана (1200–1210) содержит описание разграбления Константинополя фрягами, в котором сочетаются высказывания от первого и от третьего лица («имъ же не можемъ числа съповѣдати ... яко не можемъ числа повѣдати ... то же всѣ въ единой Софии сказахъ ... инѣхъ же церкви не можетъ челоувѣкъ сказати, яко бещисла ... имъ же не можемъ числа, ни красоты ихъ сказати» [НПЛ СИ: 47, 49 (1204)]). Примечательно, что в этом фрагменте от себя летописец высказывался с целью показать масштаб бедствия, и использование форм третьего лица было необходимо для того, чтобы усилить отрицательную оценку («не только я, но никто не может перечислить всего содеянного»)¹. Используемые летописцем хронологические формулы вполне традиционны («И стояше ту Фрязи 3 дни ... солнчу въсходящу ... на Василиевъ день полуноци ... заутра же, солнчу въсходящу» [НПЛ СИ: 48 (1204)]).

Летописец архиепископа Антония (1211–1226) в рассуждении о приходе на Русь неизвестных народов также сочетает высказывания от первого и от третьего лица («а зовуть я Татары, а инии глаголють Таурмене, а друзии Печенѣзи ... о нихъ же Мефодии, Патомьскый епископъ, съвѣдѣтельствуеть ... прѣмудрии мужи вѣдять я добрѣ, кто книги разумѣть; мы же ихъ не вѣмы, кто суть; нъ сде выписахомъ ... слышахомъ бо ... и не съвѣдаемъ» [НПЛ СИ: 61–62 (1224)]). Отметим в приведенном фрагменте противопоставление книжником себя сведущим людям, что типично для средневековой книжной традиции. Об ориентации летописца на библейские тексты свидетельствуют употребленные им риторические вопросы, отсылающие не только к ветхозаветному сюжету, но и к событиям древнерусской истории («Что прія Каинъ от бога, убивъ Авеля, брата своего: не проклятье ли и трясение; или вашъ сродникъ оканьный Святопѣлкъ» [НПЛ СИ: 58 (1218)]). Особенностью стиля этого книжника является более частое употребление риторических восклицаний по срав-

---

¹ О прилагательных со значением моральной оценки в тексте НПЛ СИ см.: *Гиниус А. А.* Новгородская владычная летопись... С. 193–194.

нению с другими фрагментами летописи¹² («о, горѣ тѣгда, братье, бяше ... о, горѣ бяше» [НПЛ СИ: 54 (1215)], «оле страшно чюдо и дивно братье; ... о, мьного побѣды, братье, бещисльное число ... о, великъ ю, братье, промышль божи» [НПЛ СИ: 56–57 (1216)], «о, великое, братье, чюдо съвади оканьный дияволь» [НПЛ СИ: 59 (1218)]). Присутствующая в двух последних высказываниях количественная характеристика («мьного», «великое») встречается также в риторических восклицаниях во фрагментах, написанных другими летописцами ([НПЛ СИ: 17 (1066), 17 (1069), 21 (1124), 31 (1161), 80 (1251)]), что позволяет рассматривать ее не как элемент стиля конкретного книжника, а как особенность текста НПЛ в целом. Хронологические формулы, употребляемые летописцем архиепископа Антония, достаточно разнообразны. Они содержат упоминания не только момента времени («громъ бысть по заутрени» [НПЛ СИ: 52 (1214)], «загорѣся ... въ середь утра» [НПЛ СИ: 57 (1217)], «възвониша ... цересь ночь ... и бысть заутра» [НПЛ СИ: 58 (1218)], «побеже въ ночь» [НПЛ СИ: 61 (1222)], «прѣставися архиепископъ новгородьскый Митрофанъ, понедѣльнику свитающу» [НПЛ СИ: 61 (1223)]), но и временного промежутка («стояше 12 днии» [НПЛ СИ: 52–53 (1214)], «быша вѣча по всю недѣлю» [НПЛ СИ: 59 (1218)], «свѣршиша ю въ 4 дни ... стояша 2 недѣли» [НПЛ СИ: 59 (1219)], «въ той же немочи пребы 7 недѣль» [НПЛ СИ: 60 (1220)], «идоша 9 днии ... и бися с ними ... по 3 дни» [НПЛ СИ: 63 (1224)]).

Тексты большинства летописцев конца XIII — первой трети XIV в. содержат существенно меньше рассматриваемых форм авторского присутствия. Таковы фрагменты НПЛ, написанные летописцами архиепископов Климента (1275–1298) и Моисея (1325–1330). Летописец архиепископов Феоктиста и Давыда (1299–1310) допускает только одно рассуждение от первого лица, которое, впрочем, вполне традиционно («но не отчаемъся милости твоя ... аще бо сгрѣшихомъ, но тебе не отступихомъ ... развѣ тебе иного бога не знаемъ» [НПЛ СИ: 91–92 (1303)]). Отсутствие форм присутствия указанных книжников в написанных ими фрагментах согласуется с представлением о «минус-позиции»¹³ автора в летописи. Исключением для этого периода является фрагмент, написанный летописцем архиепископа Давыда (1311–1324), однако используемые им выражения «от себя»

12 Неслучайность того, что 6 из 12 риторических восклицаний в НПЛ СИ приходятся на «компактный интервал <6723–6725>», была отмечена ранее, см.: Гунтуус А. А. Новгородская владычная летопись... С. 191.

13 Иванайнен О. В. «Азъ» летописца в «Повести временных лет», его варианты и способы выражения // Герменевтика древнерусской литературы. 2014. Сб. 16–17. С. 539.

обнаруживают сходство с высказываниями в предшествующем тексте летописи («О, горе, братие, лють бяше пожаръ» [НПЛ СИ: 93 (1311)] — см. [НПЛ СИ: 54 (1215), 85 (1267)], «в ночь, загорѣся на Яневѣ улицы ... в ночь, загореся на Розваже улицѣ ... в ночь, загорѣся на Ильинѣ улицы» [НПЛ СИ: 93 (1311)] — см. [НПЛ СИ: 90 (1272)], «бысть знамение въ солнци пред обднею ... померче солнце яко на час ... и паки наполнися по малу; и ради быхом» [НПЛ СИ: 96 (1321)] — см. [НПЛ СИ: 37–38 (1185), 89 (1271)]).

Приведенные совпадения свидетельствуют не столько о субъективности, сколько об ориентации летописцев на предшествующую традицию и позволяют полагать, что подобные формы авторского присутствия были присущи стилю разных книжников. Так, в НПЛ неоднократно присутствуют высказывания летописцев при упоминании цены, причем как в форме первого лица («купляхомъ» [НПЛ СИ: 31 (1161)]), так и в форме третьего лица («купляху» [НПЛ СИ: 21 (1123), 72 (1232)], «купляхуть» [НПЛ СИ: 54 (1215)]). Это свидетельствует об отнесении книжниками себя к определенной социальной группе (жителям средневекового города) и может рассматриваться как особенность их мировосприятия. Отметим, что в южнорусском летописании (которое велось монахами) подобные выражения летописцев отсутствуют. В ряде случаев новгородские книжники использовали в своих высказываниях от первого лица библейские цитаты, при этом не называя источник («но мы грѣшнии акы пси обращаемся на своя бльвотины» [НПЛ СИ: 83 (1259)] — из [Притч. 26:11], «но не отчаемъся милости твоя ... аще бо сгрѣшихомъ, но тебе не отступихомъ ... развѣ тебе иного бога не знаемъ» [НПЛ СИ: 91–92 (1303)] — последнее высказывание из [Ис. 26:13]). Подобные заимствования свидетельствуют о типичном для средневекового книжника религиозном сознании.

Многие риторические фигуры и хронологические формулы присутствуют во фрагментах, написанных разными летописцами, что также позволяет рассматривать их как типичные особенности новгородского летописания. Риторические вопросы и восклицания новгородских летописцев отличают эмоциональность и внимание к событиям повседневной жизни, что свидетельствует об актуализации субъективности. Особенно хронологических формул в НПЛ является упоминание времени¹⁴ при

14 В Древней Руси был известен антропометрический способ определения «косого» (неравного) часа по тени человека, измеряемой его ступнями. Этот метод в качестве единицы счета времени использовал иеродиакон Кирик Новгородец в своем труде «оученіе им же вѣдати члкъ числа всѣх лѣт» (1136), см.: *Симонов Р. А.* Часомерие в ряду отреченных знаний // *Герменевтика древнерусской литературы.* 2008. Сб. 13. С. 575.

сообщении о военных действиях, что нетипично для киевской летописной традиции («въ пятничи, въ час 6 дни, опять приде Все» [НПЛ СИ: 17 (1069)], «приде Новугороду князь Святославъ Олговиць ис Чернигова ... мѣсяця июля въ 19, преже 14 каланда августа, на сборъ святыя Еуфимие, въ 3 час дне, а луне небесѣи въ 19 день» [НПЛ СИ: 24 (1136)], «приспѣ князь Святослав ... и наворопиша на ня ... въ час 5 дни» [НПЛ СИ: 31 (1164)]). Традиционные сообщения о смерти в НПЛ сочетаются с указанием времени «пробытия в должности» (Стефан Твердиславич «преставися ... въ 1 час ночи ... посадничавъ 13 лѣт безъ 3 мѣсяць» [НПЛ СИ: 79 (1243)], «въ 7 час дни, преставися архиепископъ новгородскыи Климентъ, бывъ въ епископии лѣт 23» [НПЛ СИ: 90 (1272)])¹⁵. Подобный интерес к повседневному событиям также свидетельствует об элементах самосознания летописцев как жителей средневекового города.

Во многих случаях рассматриваемые формы авторского присутствия в НПЛ СИ и НПЛ МИ отличаются друг от друга¹⁶, что позволяет говорить о редакторской правке переписчика более позднего текста НПЛ МИ. Так, упоминания книжниками о своем статусе («постави мя попомъ архиепископъ святыи Нифонтъ» [НПЛ СИ: 27 (1144)], «и мнѣ грѣшному Тимофѣю понамарю» [НПЛ СИ: 70 (1230)]) отсутствуют в тексте младшего извода [НПЛ МИ: 181 (1144), 278 (1230)]. Это может свидетельствовать о том, что составитель НПЛ МИ воспринимал эти высказывания как несущественные. Агиографическое вступление к летописной повести о житии Александра Невского, имеющей вставной характер¹⁷, содержит высказывания книжника от первого лица, которые являются топосом агиографии и подтверждают проникновение в НПЛ сведений из разных источников («азъ худыи и грѣшныи малосмысленыи покушаюсь написати ... понеже бо слышахомъ от отецъ своих и самовидецъ есмь възраста его и сиче радъ бых исповѣдалъ святое и славное и честное житие его ... Аще и грубъ

¹⁵ Отметим употребление в ПВЛ подобных высказываний сначала применительно к императору Александру [ПВЛ: 17 (887)], а потом — к древнерусским князьям [ПВЛ: 29 (912), 62 (972), 208 (1093)], что говорит об ориентации киевских книжников на византийскую историографическую традицию.

¹⁶ Некоторые разночтения между старшим и младшим изводами НПЛ (дополнительные известия, избыточные фактологические детали, более подробные датировки) рассмотрены в: *Гимон Т. В.* Рубеж XII–XIII вв. в новгородском летописании // *Slověne*. 2017. № 2. С. 169–177.

¹⁷ *Бегунов Ю. К.* Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-ой и Софийской 1-й летописей // *Новгородский исторический сборник*. Новгород, 1959. № 9. С. 234.

есмь умомъ, нъ молитвою ... начатокъ положих ... Скажемъ въкратцѣ» [НПЛ МИ: 289–290, 292 (1240)]. То обстоятельство, что повесть о житии Александра Невского разнесена по разным погодным статьям и в ней пропущены некоторые известия НПЛ СИ¹⁸, подтверждает сознательное редактирование этого фрагмента переписчиком. В некоторых случаях в высказываниях книжников наблюдаются грамматические замены. Так, глагол в форме первого лица мог быть заменен в НПЛ МИ глаголом в форме третьего лица («и купляхомъ по гривнѣ хлѣб и поболшю, а ржи 4-ю часть кади купляхомъ по гривнѣ серѣбра» [НПЛ СИ: 71 (1230)] и «купляху по полугрѣвнѣ хлѣбець» [НПЛ МИ: 279 (1230)]), а глагол в форме третьего лица, наоборот, мог быть заменен глаголом в форме первого лица («купляху» [НПЛ СИ: 69 (1228)] и «купляхомъ» [НПЛ МИ: 271 (1228)]). Иногда глагол в форме первого лица мог быть опущен переписчиком («не видѣхомъ свѣтла дни» [НПЛ СИ: 67 (1228)] и [НПЛ МИ: 272 (1228)]), что также является редакторской правкой. Отметим, что подавляющее большинство изменений переписчиком высказываний от первого лица относится к текстам, созданным пономарем Тимофеем (1226–1274).

Риторические вопросы и восклицания также подвергались редакторской правке. В частности, они могли быть заменены переписчиком эмоционально нейтральными высказываниями:

НПЛ СИ

«Но оже богъ по нас, кто же на ны» [НПЛ СИ: 67 (1228)],
«о милосердие его великое» [НПЛ СИ: 80 (1251)].

НПЛ МИ

«Нъ аще богъ по нас, никтоже на нас» [НПЛ МИ: 274 (1228)],
«милосердие его велико» [НПЛ МИ: 305 (1251)].

Вероятно, подобные изменения вызваны желанием книжника выдержать летописный текст в едином, менее эмоциональном стиле, что не согласуется с высказывавшейся ранее точкой зрения о том, что основным направлением работ автора НПЛ МИ было «стилистическое приукрашивание», включая «риторические дополнения ..., изменяющие текст не в фактическом, а в эмоциональном отношении»¹⁹. Вероятно, указанное наблюдение справедливо не во всех случаях. Помимо этого, в НПЛ МИ отсутствуют риторический вопрос («не проклятье ли и трясение; или вашъ сродникъ оканьнии Святопѣлкъ» — [НПЛ

18 Там же. С. 233.

19 Гимон Т. В. Редактирование летописей в XIII–XV вв.: разночтения между списками Новгородской 1 летописи // Труды отдела древнерусской литературы. 2006. Т. 57. С. 122–123.

МИ: 258–260 (1218)) и риторические восклицания («О, велика бѣда» и «О, велика сѣця» — [НПЛ МИ: 185–186 (1066), 190–191 (1069)]) вместе с соответствующими фрагментами погодных статей.

При составлении текста НПЛ МИ многие указания на время также подверглись изменению. В ряде случаев переписчики предлагали сокращенный вариант датировки:

НПЛ СИ	НПЛ МИ
«мѣсяця июля въ 19, преже 14 каланда августа, на сборъ святыя Еуфимие, въ 3 час дне, а луне небеснѣи въ 19 день» [НПЛ СИ: 24 (1136)],	«мѣсяца июля въ 19, на сборъ святыя Еуфимиа» [НПЛ МИ: 209 (1136)] ²⁰ ,
«мѣсяця априля въ 14, въ вторую недѣлю по велице дни, индикта първаго» [НПЛ СИ: 33 (1168)],	«априля въ 14 день» [НПЛ МИ: 220 (1168)],
«по вечернии, въ час 10 дни» [НПЛ СИ: 37 (1181)] ²¹ .	«по вечерънии» [НПЛ МИ: 226 (1181)].

Примечательно, что присутствующие в НПЛ СИ календы и индикты²² (что свидетельствует о знакомстве новгородского книжника с системой римского летоисчисления) были сокращены переписчиком, который, вероятно, посчитал их излишними. В других случаях, наоборот, более краткие указания на время могли быть дополнены составителем НПЛ МИ:

НПЛ СИ	НПЛ МИ
«июня въ 10» [НПЛ СИ: 72 (1233)],	«мѣсяца июня въ 10, на память святого отца Тимофѣя в пяток въ 1 час дни» [НПЛ МИ: 282 (1233)],
«июня въ 10, съ вечера» [НПЛ СИ: 73 (1234)].	«мѣсяца июня въ 10, на память святого отца Тимофѣя въ 1 час ноци» [НПЛ МИ: 283 (1234)].

20 А. А. Шахматов полагал, что летописное известие [НПЛ СИ: 24 (1136)] принадлежит Кирику Новгородцу (цит. по: *Щапов Я. Н.* Древнеримский календарь на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье: [сб. ст.]. М., 1978. С. 338–339). Сокращение датировки в [НПЛ МИ: 209 (1136)] ранее отмечено Я. Н. Щаповым (см.: *Щапов Я. Н.* Древнеримский календарь... С. 344).

21 Е. Л. Конявская полагает, что «при “косом” часе 10-й час дня вполне мог совпадать с вечерней» (*Конявская Е. Л.* Время суток в раннем летописании // Средневековая Русь. 2012. № 10. С. 130).

22 Календа — первый день месяца в древнеримском календаре. Индикт — порядковый номер года в каждом промежутке из 15 лет (индиктионе), который указывался после обычной календарной даты. Подробнее об индиктах и календах см.: *Климишин И. А.* Календарь и хронология. М., 1985. С. 82–83, 197–198.

В этом случае летописные датировки расширились традиционными упоминаниями праздников по церковному календарю. Поскольку подобные летописные сообщения о времени события могли быть сделаны не очевидцем, а переписчиком, отнесению хронологических формул к средствам актуализации достоверности повествования должен предшествовать их текстологический анализ. Некоторые изменения упоминаний о времени в НПЛ МИ могли иметь вид лексических замен:

НПЛ СИ	НПЛ МИ
«близь не весь день» [НПЛ СИ: 26 (1141)], «въ пятници» [НПЛ СИ: 42 (1194)],	«мало не весь день» [НПЛМИ: 211 (1141)], «в пяток» [НПЛ МИ: 233 (1194)],
«бысть ночь» [НПЛ СИ: 65 (1228)],	«приспѣвши нощи» [НПЛ МИ: 270 (1228)],
«въ срьдь утра» [НПЛ СИ: 69 (1230), 89 (1271)].	«в полъутра» [НПЛ МИ: 276 (1230), 321 (1271)].

Это говорит о том, что новгородские книжники стремились передать содержание летописи, но не копировали²³ текст подлинника.

Подводя итоги, можно сказать, что в ряде фрагментов НПЛ СИ, написанных конкретными книжниками, можно выделить характерные для них формы авторского присутствия. Вместе с тем многие авторские экспликации присутствуют в разных фрагментах, что свидетельствует не об индивидуальной манере летописцев, а об особенностях текста НПЛ СИ в целом. Для новгородских летописцев характерны сочетания высказываний от первого лица с высказываниями от третьего лица (которые часто выдержаны в традиционном для Средневековья самоуничжительном ключе), внимание к погодным явлениям и событиям повседневной жизни. Отметим, что новгородские книжники практически никогда не соотносили разные фрагменты НПЛ СИ друг с другом, что наблюдается в южнорусской летописной традиции. Сопоставление форм авторского присутствия в двух изводах НПЛ позволило выявить случаи редактирования текста протографа. В основном это проявилось в уменьшении числа высказываний от первого лица, риторических вопросов и восклицаний и в изменении датировок в русле христианской традиции. Замена некоторых риторических вопросов и восклицаний эмоционально

²³ Возможно, подобные замены были связаны с языковыми изменениями XI–XV вв. Некоторые лингвистические особенности указывающих на время лексем рассмотрены в: *Гунтуис А. А.* Новгородская владычная летопись... С. 179–183.

нейтральными высказываниями, вероятно, свидетельствует о стремлении переписчиков уменьшить экспрессивность фрагмента НПЛ СИ 1220–1250-х гг. Упоминания часа или подробная датировка события не обязательно являются свидетельствами очевидца, так как они могли быть добавлены переписчиком в последующее время. Сделанные наблюдения позволяют предположить, что редакторская правка исходного текста могла относиться к фрагменту, написанному любым из предшествующих летописцев.

Источники и литература

Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-ой и Софийской 1-ой летописей // Новгородский исторический сборник / под общ. ред. Д. С. Лихачева. Новгород: Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник, 1959. № 9. С. 229–238.

Гимон Т. В. Редактирование летописей в XIII–XV вв.: разночтения между списками Новгородской 1 летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. 2006. Т. 57. С. 112–125.

Гимон Т. В. Рубеж XII–XIII вв. в новгородском летописании // Slověne. 2017. № 2. С. 163–187.

Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник / отв. ред. В. Л. Янин. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. № 6 (16). С. 3–72.

Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка: [сб. ст.] / отв. ред. А. М. Молдован. М.: Древлехранилище, 2006. С. 114–251.

Иванайнен О. В. «Азь» летописца в «Повести временных лет», его варианты и способы выражения // Герменевтика древнерусской литературы. 2014. Сб. 16–17. С. 389–582.

Климишин И. А. Календарь и хронология. М.: Наука, 1985. 320 с.

Конявская Е. Л. Проблема авторского самосознания в летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2 (2). С. 65–75.

Конявская Е. Л. Время суток в раннем летописании // Средневековая Русь. 2012. № 10. С. 126–134.

Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Наука, 1974. 172 с.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 640 с.

Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 938 стб.

Прозоровский Д. И. Кто был первым писателем первой Новгородской летописи? // Журнал министерства народного просвещения. 1852. Ч. LXXV. С. 1–28.

Симонов Р. А. Часомерие в ряду отреченных знаний // Герменевтика древнерусской литературы. 2008. Сб. 13. С. 571–600.

Шапов Я. Н. Древнеримский календарь на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье: [сб. ст.] / отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1978. С. 336–345.

References

Begunov, Iu. K. “Zhitie Aleksandra Nevskogo v sostave Novgorodskoĭ 1-oĭ i Sofiiskoi 1-oĭ letopiseĭ.” *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, ed. by D. S. Likhachev. Novgorod: Novgorodskii istoriko-arkhitekturnyi muzeĭ-zapovednik, 1959, no 9, pp. 229–238.

Gimon, T. V. “Redaktirovanie letopiseĭ v XIII–XV vv.: raznochteniia mezhdū spiskami Novgorodskoĭ 1 letopisi.” *Trudy Otdela drevnerusskoĭ literatury*, 2006, vol. 57, pp. 112–125.

Gimon, T. V. “Rubezh XII–XIII vv. v novgorodskom letopisanii.” *Slovĕne*, 2017, no 2, pp. 163–187.

Gippius, A. A. “K istorii slozheniia teksta Novgorodskoĭ pervoi letopisi.” *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, ed. by V. L. Ianin. St Petersburg: Dmitriĭ Bulanin, 1997, no 6 (16), pp. 3–72.

Gippius, A. A. “Novgorodskaia vladychnaia letopis' XII–XIV vv. i ee avtory (Istoriia i struktura teksta v lingvisticheskom osveshchenii).” *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka*, ed. by A. M. Moldovan. Moscow: Drevlekhranilishche, 2006, pp. 114–251.

Ivanainen, O. V. “«Az» letopista v «Povesti vremennykh let», ego varianty i sposoby vyrazheniia.” *Germevika drevnerusskoĭ literatury*, 2014, issue 16–17, pp. 389–582.

Klimishin, I. A. *Kalendar' i khronologiia*. Moscow: Nauka, 1985, 320 p.

Koniavskaia, Je. L. “Problema avtorskogo samosoznaniia v letopisi.” *Drevniia Rus' . Voprosy medievistiki*, 2000, no 2 (2), pp. 65–75.

Koniavskaia, Je. L. “Vremia sutok v rannem letopisanii.” *Srednevekovaia Rus' , 2012, no 10, pp. 126–134.*

Lurii, A. R. Ob istoricheskom razvitii poznavatel'nykh protsessov. Moscow: Nauka, 1974, 172 p.

Simonov, R. A. “Chasomerie v riadu otrechennykh znaniĭ.” *Germevika drevnerusskoĭ literatury*, 2008, issue 13, pp. 571–600.

Shchapov, Ia. N. “Drevnerimskii kalendar' na Rusi.” *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e*, ed. by L. V. Cherepnin. Moscow: Nauka, 1978, pp. 336–345.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.2.02

A. V. Shapovalov

Ways of authors' presence in the First Novgorod Chronicle

Alexey V. Shapovalov

PhD student

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskie gory 1, str. 51, Moscow, Russian Federation

E-mail: omeganom@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3230-3682

Citation

Shapovalov A. V. Ways of authors' presence in the First Novgorod Chronicle // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 148–161 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.2.02

Received: 30.06.2021.

Abstract

The article is devoted to the study of the ways of authors' presence in the First Novgorod Chronicle, such as first-person narration, rhetorical questions and exclamations, some chronological formulas. At first, they are consequently considered in fragments presumably written by a single author. After that, the researcher dwells upon similar phrases in fragments written by different authors. The combination of first- and third-person narration, cases of quotes from authoritative texts as well as attention of the chroniclers to weather phenomena, indications of a moment in time or a time interval in chronological formulas are noted. Remarks of the chroniclers from Novgorod and from Kiev are compared. The number of authors' explications in the text of the First Novgorod Chronicle starts to decrease in the end of the 13th century. Discrepancies in the ways of the authors' presence in the texts of the senior and junior editions of the Novgorod First Chronicle are given. Some cases of lexical and grammatical substitutions by scribes are revealed. The possibility of updating the authenticity and subjectivity of the chronicle narration through the authors' explications, as well as cases of using similar expressions by different scribes as possible manifestations of the chroniclers' self-awareness are discussed.

Keywords

First Novgorod Chronicle, first-person narration, third-person narration, rhetorical question, rhetorical exclamation, chronological formula.